

© 2010 г. А.С. РОГОВА

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО ПОВЕДЕНИЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИММИГРАНТОВ В РУССКО-НОРВЕЖСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ

В статье рассматривается языковое поведение русскоязычных иммигрантов, живущих в Норвегии в непосредственной близости к российско-норвежской границе. Как показало наше исследование, речь данной группы обладает спецификой, выделяющей ее из ряда других изученных примеров речевого поведения иммигрантов в ситуации доминирования другого языка. В статье анализируются возможные причины формирования подобной модели языкового поведения, заключающиеся в особенностях социально-культурной ситуации, сложившейся в русско-норвежском приграничье в последние два десятилетия.

Речь русскоязычных иммигрантов во Франции, Германии, Финляндии, США, Израиле и других странах с начала 1990-х гг. неоднократно становилась объектом социалингвистических исследований [Авина 2000; Гайнер, Ашкинази 2002; Голубева-Монаткина 1993; Гусейнов 1995; Лаллукка 2004; Протасова 2004; Leinonen 1992; Naiditch 2002 и др.]. При этом исследований, посвященных речи иммигрантов в Норвегии, нет, несмотря на то что там проживает значительная русскоязычная диаспора со своими социалингвистическими особенностями.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИММИГРАНТСКОЙ РЕЧИ

В поле зрения исследователей, обращающихся к речи русскоязычных иммигрантов, оказываются, как правило, ее лексические, фонетические, морфологические и синтаксические особенности [Бразаускаене 2000; Гловинская 2001; Земская 1998; Протасова 1998; Язык русского зарубежья 2001 и др.]. При этом большинство исследований, посвященных группам русскоязычных иммигрантов в иноязычной среде, показывает достаточно единообразную картину особенностей речевого поведения в ситуации доминирования другого языка. Иммигранты активно включают в свою речь слова из языка страны проживания, независимо от степени владения этим языком [Latoma 1998; Жданова 2004; Земская 2004; Найдич 2005; Осипова 2002; Протасова 2004; Пфандль 1994]. Пишущие на эту тему приводят многочисленные примеры, подтверждающие эту закономерность: «для нее важен саксес [‘успех’]»; «я купила себе такие ботинки / воттапруф [‘водонепроницаемые’]» и др. [Земская 2004: 22–23]; «поставь посуду в дишвошерку» (от англ. *dishwasher* «посудомоечная машина») [Осипова 2002: 450]; «летом урлауб (нем. *Urlaub* “отпуск”) в Либаноне (ср. с нем. *Libanon* при русской норме *Ливан*)», «у меня счет в шпаркассе (нем. *Sparkasse* “сберкассе”)» [Жданова 2004: 89–91] и др.

Некоторую сложность вызывает определение статуса подобных отдельных слов какого-либо языка, включаемых в высказывание, полностью (грамматически и фонетически) построенное на другом (в данном случае русском) языке. Интерпретация отдельных слов иностранного языка, вставляемых в русскую речь, как заимствований в целом характерна для русскоязычной традиции изучения русского языка иммигрантов (см., например, [Земская 2002; Полинская 2004; Протасова 2000]). В ряде случаев присутствует эксплицитная негативная оценка данного явления; в частности, Е.А. Земская пишет

о том, что «заимствования – это явный враг родного языка» [Земская 2002: 38]. С другой стороны, Е.Ю. Протасова обращает внимание на заметные отличия данного явления от того, что традиционно именуется заимствованиями: «заимствования в русский язык, происходящие за пределами России, не всегда следуют тем же правилам, что заимствования из иных языков во внутривоспользовании» [Протасова 2000: 59].

Другой взгляд на это явление можно встретить в работах американской исследовательницы К. Майерс-Скоттон, которая считает все подобные примеры (за исключением устоявшихся и вошедших в языковую норму заимствованных слов) переключением кодов (далее – ПК) независимо от длины и сложности иноязычных конструкций. К. Майерс-Скоттон предлагает рассматривать все элементы «вставного» языка как континуум, на одном конце которого находятся отдельные слова, а на другом – целые фразы [Myers-Scotton 2006: 254].

В данной статье при анализе материала мы будем считать все иностранные слова (помимо устоявшихся и вошедших в норму русского языка заимствований) в русской речи информантов примерами ПК. Однако это ПК не всегда происходит между русским и соответствующим иностранным языком: возможно и переключение между русским языком и новым регистром речи, который создается и используется иммигрантами и характеризуется включением слов иностранного языка в русскую речь. В качестве примера такого «нового регистра» можно привести вводимое М.С. Полинской понятие «эмигрантского русского языка», удобное для описания речи значительной части русскоязычных иммигрантов в США [Полинская 2004: 33]. К наиболее характерным чертам этого «эмигрантского русского языка» она относит употребление «ноу» вместо русского «нет», которое появляется в речи уже через 3–6 месяцев пребывания в США, когда иммигранты еще, как правило, не владеют английским языком, а также активное включение в речь английских слов [Там же: 35–36]. М.С. Полинская далее пишет, что «употребление английских заимствований считается настолько более уместным, что меня часто поправляют и делают замечания, когда я говорю *ковер* вместо *карпит* (англ. carpet), *фунт* вместо *паунт* или *наличные* вместо *кэш*» [Там же: 37].

М.А. Осипова отмечает, что собственно разговорный язык иммигрантов трудноуловим для исследователя, не принадлежащего к данному сообществу, т. к. «с приездом из России носители русского языка в США зачастую говорят на особом русском языке, не так, как они говорят друг с другом» [Осипова 2002: 45], то есть «русские американцы» осознают особенность того регистра русской речи, которым они пользуются в повседневной жизни при общении с определенными собеседниками: «иммигранты по сути дела пользуются, по крайней мере, двумя устными языковыми разновидностями (русского языка. – А. Р.)», одна из которых используется для общения со «своими», другая – с «чужими» [Там же: 450]. Первый вариант М.А. Осипова называет «региональным вариантом русского языка, бытующим в США» [Там же: 451].

Таким образом, мы можем говорить о том, что русскоязычные иммигрантские сообщества формируют новый регистр речи, который можно назвать «иностранно-русским». Он имеет следующие особенности: активное ПК между русским и соответствующим иностранным языками, выполнение функции языка внутригруппового общения при осознании говорящими его отличия от стандартного русского языка. Рассматривая русско-норвежские языковые контакты, мы будем говорить о регистре, который мы назовем «норвежским русским» (далее – НР). Данный регистр характеризуется активным переключением между русским и норвежским языками. Мы будем также исходить из того, что выбор языка осуществляется не только при использовании каждого конкретного норвежского слова в русском высказывании, но и при выборе регистра речи, для одного из которых (НР) нормой является использование норвежских слов и словосочетаний¹.

¹ Явления, когда постоянное и массовое ПК ведет к появлению немаркированного кода внутригруппового общения, описаны на материале более длительных контактов между различными языками (см., например, [Головкин 2001]).

ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛ

Объектом нашего исследования, таким образом, является речь русскоязычных иммигрантов, живущих в русско-норвежском приграничье, в частности, в ближайшем к границе норвежском городе Киркенесе. Материал, легший в основу данной статьи, собран в ходе полевых исследований в Киркенесе в августе 2006 г. и в апреле–июне 2007 г., а также в Мурманске в мае 2008 г. Основную часть материала составляют 50 полуструктурированных интервью, общее количество информантов – 60 человек. Среди опрошенных есть русские и норвежцы, живущие как в Киркенесе, так и в Мурманске. Норвежские информанты большей частью являются представителями местной администрации (муниципалитета Сер-Варангер) и работниками социальной сферы (администрация школы и детских садов, полиция, сотрудники норвежского консульства в Мурманске и т. д.). Среди русских информантов – женщины, вышедшие замуж за норвежцев и живущие в Киркенесе от полугода до десяти лет; молодые люди и подростки, приехавшие в Норвегию с матерями, а также русские, работающие в Киркенесе. Часть русских информантов – люди, постоянно проживающие в Мурманске, но регулярно бывающие в Норвегии. Большая часть интервью записана на диктофон, остальные беседы зафиксированы в полевом дневнике.

Еще одним источником являются документы и, в первую очередь, местные газеты, издаваемые в Киркенесе («*Sør-Varanger Avis*») и в Мурманской области («*Советский Мурманск*», «*Комсомолец Заполярья*», «*Полярная правда*» за период 1991–2008 гг.). Важными для данного исследования являются также наблюдения, сделанные во время полевой работы в Киркенесе. В общей сложности три месяца, проведенные в Киркенесе, дали возможность наблюдать за естественным языковым поведением местных жителей в различных ситуациях общения, от случайных контактов в магазинах до встреч в русском православном приходе и занятий на курсах норвежского языка для иностранцев (где большинство студентов русские). Незначительная часть материала отражает языковое поведение русскоязычных иммигрантов, живущих в других регионах Норвегии (интервью и интернет-форумы).

ЯЗЫКОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИММИГРАНТОВ В НОРВЕГИИ

Если мы обратимся к материалу речи русских иммигрантов, живущих в Норвегии за пределами Киркенеса, то мы увидим картину, во многом аналогичную упомянутым выше ситуациям: в регистре, используемом языковым сообществом русских, живущих в Норвегии, допустимо (или даже предписано) употребление норвежских слов. НР осознается говорящими как отличный от стандартного русского языка, его используют в разговоре с определенными собеседниками:

Если я разговариваю с тобой или с Антоном, я, конечно, скажу: «Я *посёкала* на эту стипендию», – а если с мамой, то: «Я *подала* заявление на стипендию» (рус., ж., 25 лет, Альта²) (*посёкала* – от норв. *å søke* – «подать заявку»).

При использовании норвежских слов в высказывании, грамматическая рамка которого задана русским языком, в ряде случаев происходит их морфологическая адаптация. Глаголы спрягаются, приобретая типичные для русского языка окончания, существительные начинают склоняться в соответствии со словоизменительными моделями русского языка. Например: «Ну, утленингам-то со знаниями и образованием это замечательно» (норв. *utlending*, *-en* – рус. «иностранец»); «Он же еще и маркетсфёрингом занимается» (норв. *markedsføring*, *-en* – рус. «маркетинг»). Образуются также и новые слова по словоизменительным моделям русского языка на основе норвежских лексем.

² Здесь и далее в скобках указываются следующие сведения об информанте: национальность (рус. – русский / русская, норв. – норвежец / норвежка), пол, возраст, место постоянного (на момент интервью) проживания.

Например, получивший водительские права человек назван «офёрекорченным» (от норв. *foererkort* – рус. «водительские права»)³.

Казалось очевидным, что в Киркенесе мы столкнемся с аналогичной ситуацией функционирования русского языка в среде иммигрантов. Тем не менее, собранный здесь материал дает несколько иную картину. Норвежские слова, конечно, иногда обнаруживаются в речи русских иммигрантов, но такие примеры немногочисленны. Кроме того, большая часть примеров ПК в нашем материале связана с реализацией его референтной функции: название реалий, соответствия которым нет в русском языке или они слишком сильно отличаются по значению (напр., *videregaende* «старшие классы средней школы», *likningskontor* «налоговая инспекция», *vikar* «временный сотрудник» и т. п.), а также заполнение лексических лакун (если говорящий не знает, как называется тот или иной предмет по-русски). Например: «Потом уже идешь после 10 классов в *videregaende*, я не знаю, как это по-русски называется» (рус., ж., 20 лет, Киркенес).

Крайне незначительно количество примеров, где ПК на норвежский в пределах русского предложения выполняет другую функцию: «Нам важно, чтобы они понимали, что им говорит учитель. А *beholde morsmaal* [рус. «сохранить родной язык»] – это задача родителей» (рус., ж., 28 лет, Киркенес).

Немногочисленность случаев ПК и ограниченность их чисто прагматическими разновидностями не позволяет говорить о наличии НР в Киркенесе. За пределами же Киркенеса этот регистр несомненно существует, о чем свидетельствуют примеры активного ПК в речи русских иммигрантов, живущих в других регионах Норвегии. Иными словами, практически полное отсутствие включений норвежских слов в русскую речь в Киркенесе (и, соответственно, отсутствие здесь НР) не является спецификой норвежско-русского языкового контакта, т. е. не определяется лингвистическими характеристиками данных языковых систем, а является типичным именно для данного языкового сообщества и для данной территории.

Чтобы найти объяснение этому явлению, обратимся к анализу языковой и культурной ситуации в русско-норвежском приграничье.

«ПРИГРАНИЧЬЕ» КАК ОСОБОЕ ПРОСТРАНСТВО

Важным аспектом рассматриваемой территории является ее приграничное положение. Любая граница, в том числе и политическая, составляет неотъемлемую часть одной из универсальных оппозиций – оппозиции «своего» и «чужого». С понятием границы тесно связано понятие локальной (региональной) идентичности. Будучи частью социальной идентичности человека, локальная идентичность подразумевает личное чувство принадлежности к месту, к территории, занимаемой группой. Локальная идентичность не является неизменной во времени и пространстве, т. к. территории не вечны, а границам свойственно изменяться [Paasi 2007: 29]. Границы того, что воспринимается как «свое» пространство, могут меняться в зависимости от различных аспектов взаимоотношений между группами.

Политические границы, безусловно, влияют на то, где проводятся психологические границы, при этом и значение политической границы также не является неизменным. В советское время коммуникация между населением по обе стороны советско-норвежской границы была минимальна. После распада СССР произошли значительные изменения, которые затронули многие стороны жизни местного населения. В первую очередь, изменение границы повлекло за собой изменение социального пространства, его расширение как для русских, так и для норвежцев, которые стали постепенно осваивать территорию, ранее закрытую для них.

Если до 1991 г. в рассматриваемом нами регионе существовало две территории, четко отделенные друг от друга государственной границей, то после 1991 г. в дополнение

³ Данные примеры взяты из обсуждений в интернет-форуме русскоязычных жителей Норвегии (www.dom.no).

к ним возникло новое пространство «норвежско-российского приграничья», которое в восприятии тех, кто активно его осваивает, не является в полной мере ни Россией, ни Норвегией. Киркенес сегодня – это, безусловно, приграничный город. Это проявляется и внешне (вывески на норвежском и русском языке, норвежская и русская речь на улицах, автомобили с норвежскими и русскими номерами на парковках и т. д.), и на уровне экономической и политической жизни. По данным Центрального статистического бюро Норвегии, в 2007 г. в муниципалитете Сер-Варангер (административным центром которого является Киркенес), при общем населении 9463 человек (на 1 января 2006 года) постоянно проживало 282 русских, из которых большинство составляли женщины (211 человек).

На сегодняшний день практически всеми признается значение приграничного положения Киркенеса и сотрудничества с Россией для его развития. В исследовании о специфике Киркенеса как приграничного города приводится высказывание норвежки, жительницы Киркенеса: «Настоящие перемены здесь начались, когда была открыта граница с Россией»⁴ [Viken et al. 2007: 60]. Далее авторы подчеркивают, что эта цитата представляет собой идею, лежащую в основе общего нарратива о развитии города, и встроена в социальные практики, конструирующие сегодняшний Киркенес.

Идея единого трансграничного пространства реализуется как в политических и административных решениях, в официальном дискурсе, так и на уровне личностного восприятия территории. Мы можем, в частности, говорить о том, что для некоторых жителей Мурманска и Мурманской области (в том числе бывших, сегодня живущих в Киркенесе) в результате активного освоения пространства приграничья произошло снижение психологической значимости государственной границы и расширение «своего» пространства, которое включает в себя в том числе и Киркенес, точнее некоторую его «русскую» часть, имеющую полushутливое неофициальное название «Кирсановка». Киркенес – это то место, куда ездят несколько раз в год за покупками, из аэропорта Киркенеса летают в отпуск и в командировки, значительная часть событий трансграничного сотрудничества (встречи, семинары, переговоры) сосредоточена также в Киркенесе.

Таким образом, Киркенес для мурманчан не является заграницей в полном смысле этого слова, и высказывание «курица не птица – Киркенес не заграница», которое можно услышать в Мурманске, становится не только шуткой. В статье мурманской газеты «Полярная правда», посвященной конфликтам между русскими и норвежцами на бытовом уровне, журналистка пишет:

Мы обречены если не на любовь, то, во всяком случае, на терпимое и доброжелательное отношение друг к другу. Ведь как Киркенес для мурманчанина не заграница, так и Мурманск для жителя Киркенеса близкий город («Полярная правда», 03.11.99).

Об этом же свидетельствуют высказывания жителей Мурманска, регулярно (несколько раз в год) бывающих в Киркенесе:

Если ты побывал в Киркенесе, то если по карте посмотреть, то ты естественно был на территории Норвегии, за границей, а так... [...] Русских там очень много, и не ощущается, что ты прям так вот за границей. Единственное, что другой валютой пользуешься, ну и пересекаешь границу, все эти формальности проходишь. Но тем не менее полного такого ощущения заграницы нету [...] ...абсолютно комфортно там себя ощущаешь, как дома (рус., ж., 25 лет, Мурманск).

Киркенес, он вообще приобрел новое название: Кирсановка и Кирик. То есть это как бы такое... маленький русский поселок. Кирсановка. Или маленький город. У нас есть там Киркенес-центр, торговый центр. И его называют «Волна». Все говорят: «Пойдем в “Волну” сходим, продуктов там купим», потому что у нас тут [в Мурманске] универмаг есть [с таким названием]. То есть очень много таких реалий, которые норвежские изначально, но русскими воспринимаются уже как что-то свое. Им проще назвать «Волной», чем «Киркенес-Центром» (рус., ж., 27 лет, Мурманск).

Как мы видим, Киркенес не воспринимается как чужое пространство, как заграница. Во втором примере интересно также использование местоимений при определе-

⁴ Здесь и далее перевод цитат мой. – А. Р.

нии Киркенеса и Мурманска. Про оба города информантка, которая живет и работает в Мурманске, говорит «у нас», разница только в том, что в Киркенесе – это «у нас там», а в Мурманске – «у нас тут».

Учитывая специфику восприятия пространства местным населением, обратимся теперь к объяснению особенностей языкового поведения русскоязычных иммигрантов, в частности – крайне редких случаев ПК в их русской речи. Рассмотрим факторы, которые обычно приводятся для объяснения ПК в речи иммигрантов.

ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ РАЗВИТИЮ ПК, И СЛУЧАЙ КИРКЕНЕСА

Г. Пфандль, исследующий языковое поведение русских иммигрантов в Германии, пишет о том, что одним из основных факторов изменения языкового поведения в условиях иммиграции является **исчезновение привычного языкового фона** [Пфандль 1994: 105]. Вторым крайне важным фактором он считает «утрату актуальной динамики языка», т. е. **оторванность от процесса естественного развития языка** [Там же: 107].

Иную причину специфики языкового поведения иммигрантов, рассматривая речь русской диаспоры в Германии, называет В.В. Жданова. Она связывает ее особенности с тем, что русскоязычные иммигранты являются в Германии **представителями недоминирующей системы** [Жданова 2004: 88]. В этом случае, подчеркивает она, личность «оказывается в окружении иного культурно-языкового сообщества со свойственными ему моделями поведения» [Там же]. В.В. Жданова проводит прямую параллель между речевым поведением иммигрантов и их ориентацией на русское или немецкое социокультурное пространство. Например, использование немецких слов в русской речи она объясняет как попытку говорящего заявить о своей принадлежности к немецкому языковому, культурному и социальному пространству. Переключение кодов в данном случае становится одним из способов создания желаемого – немецкого – образа. В.В. Жданова подчеркивает, что для иммигрантов, ориентированных на интеграцию, немецкий язык представляется более престижным. Престижность русского языка, в свою очередь, снижается, что является следствием изменений в системе ценностей индивида в новой среде [Там же: 92]. Неравенство языков в новой системе координат оказывается одним из определяющих факторов, воздействующих на языковое поведение иммигрантов.

Еще одну причину формирования особого регистра речи иммигрантов называет М.С. Полинская, которая объясняет стремление к включению англоязычного маркера в речь русских иммигрантов в США желанием выразить **солидарность с достаточно обособленным иммигрантским сообществом** [Полинская 2004: 35] или, другими словами, стремление приспособиться к жизни иммигрантской общины, которая позиционирует себя как «группу, отличную от аналогичных групп в метрополии» [Там же: 43].

В случае Киркенеса все перечисленные выше факторы либо отсутствуют, либо выражены в гораздо меньшей степени. Во-первых, языковой фон во многом остается привычным как благодаря большому количеству русских в Киркенесе, так и благодаря вывескам и объявлениям на русском языке, русскому телевидению, библиотеке с книгами и газетами на русском и т. п. Благодаря этим же причинам, а также близости России и частоте контактов, вряд ли можно говорить об оторванности от тенденций языкового развития в России. Контакты с русским языком метрополии реализуются как во время поездок в Мурманск или Мурманскую область на выходные, так и за счет регулярных приездов в Киркенес русских, постоянно живущих в России.

Что касается доминирования, то этот фактор выражен в Киркенесе существенно слабее, чем в цитированном выше описании В.В. Ждановой. Мы можем выделить две основных причины такой слабой выраженности. Во-первых, русские, живущие в Киркенесе, как правило, не стремятся стать норвежцами (хотя, безусловно, есть исключения). Во-вторых, с определенной долей уверенности мы можем говорить о том, что сегодня русский и норвежский языки имеют в Киркенесе более или менее равную

престижность. Русские в Киркенесе не заинтересованы в обязательной демонстрации своей принадлежности к норвежскому «культурному пространству», что связано с особенностями восприятия Киркенеса как особой приграничной территории. Этот фактор может быть особенно значим в среде подростков и молодых людей, для которых русский язык оказывается важным маркером внутригрупповой идентичности: знанию русского языка придается большое значение. В приведенном ниже примере (разговор трех девочек 10–11 лет) две девочки (Н и П) регулярно поправляют свою подругу (Л), которая приехала в Норвегию в возрасте четырех лет и говорит по-русски с небольшими ошибками. Две другие девочки живут в Норвегии два и три года соответственно:

1) Интервьюер: *А вы решили уже, кем хотите быть?*

[...]

Л: *А ты чем?*

Н: *А я .. Во-первых, не чем, а кем. Но я еще не знаю.*

2) Л: *Я их коплю, таких машин.*

П, Н: *Собира-а-аю!*

П/Н: *Коплю! (смеется) Собираю!*

Л: *Ну, собираю.*

Русский является основным языком общения в молодежной среде иммигрантов из России, несмотря на то что все они включены в норвежское общество посредством обучения в школе. Кроме того, учитывая тот факт, что многие молодые люди приехали из России достаточно взрослыми (а также всегда есть те, кто приехал сравнительно недавно), в среде русских всегда есть группа «экспертов», которые могут оценить знание языка и, по-видимому, «осмеять» говорящего неграмотно. Подобное отношение выражает, в частности, одна информантка, русская девушка 20 лет, с шести лет живущая в Киркенесе:

Также очень смешно смотреть на многих, которые переехали 2–3 года назад, которые уже говорят с акцентом по-русски, которые не умеют писать. Мальчик, которого зовут Ваня Петров, и который не разговаривает по-русски, и который приехал два года назад – это очень смешно видеть (рус., ж., 20 лет, Киркенес).

Негативное отношение к смешению русского и норвежского языков высказывают и взрослые информанты:

И перевести какой-то норвежский термин на русский язык они не в состоянии. Я не уверен, что они до конца понимают, что он значит. И они по-норвежски говорят, потому что толком не знают, что это такое. Примерно, может быть. Потому что объясняет норвежец. А как он объяснит? Он же русское слово не назовет (рус., м., 50 лет, Киркенес).

Ситуация, в которой русские не говорят по-русски или говорят с ошибками, воспринимается многими представителями среднего и старшего поколения как естественная, неизбежная. Молодые люди, по-видимому, склонны относиться к этому иначе: незнание русского языка вызывает насмешку. Так, вопрос, умеет ли она читать по-русски, вызывает у 11-летней девочки, приехавшей в Норвегию в дошкольном возрасте, удивление.

Такому отношению к языку отчасти способствует тот факт, что среди русских в Киркенесе распространено мнение, что их главное преимущество на рынке труда – это знание русского языка. Знание русского языка оказывается преимуществом при поиске работы, в первую очередь, в сфере услуг, а также в тех отраслях бизнеса, которые развивают сотрудничество с Россией.

Мне всего, в принципе, 20 лет, я устроилась на работу, у меня постоянная работа, у меня хороший доход только благодаря тому, что я знаю русский. (...) А те люди, которые собираются жить здесь, еще пару лет точно, они понимают, что без русского здесь, в принципе, никуда, если ты хочешь получить какую-нибудь нормальную работу (рус., ж., 20 лет, Киркенес).

Практическая ценность русского языка оценивается чем дальше, тем выше. Еще несколько лет назад русский язык представлялся бесполезным языком, важность знания

которого не шла ни в какое сравнение с важностью овладения норвежским. Сегодня, не отрицая необходимости знания норвежского языка, многие, и, в первую очередь, молодежь, высоко оценивают практическую значимость русского языка, что связано с расширением его функционирования в сфере экономических взаимоотношений. Таким образом, сегодня в Киркенесе русский язык применяется не только в семейных и бытовых ситуациях: в большей или меньшей степени он функционирует в тех же сферах, что и норвежский язык, за исключением, по-видимому, сферы государственного управления.

Наконец, говоря о ситуации в Киркенесе, мы можем с определенной долей уверенности утверждать, что русскоязычные жители Киркенеса не представляют собой единого иммигрантского сообщества и не осознают себя отличными от русских в России. В их повседневных практиках во многом очевидно сохранение ориентации на Россию. Символические границы «своего» пространства в данном случае не совпадают с государственной границей: Киркенес может не осознаваться русскими как собственно норвежское пространство. У многих русских иммигрантов в Киркенесе нет ощущения «заграницы», следовательно, в их социальной идентичности нет той компоненты, связанной с иммиграцией, для выражения и закрепления которой иммигранты, как правило, заимствуют чужой язык. Экспрессивная функция переключения кодов, которая, в том числе, символизирует социальную идентичность «иммигранта», человека, живущего в иноязычном и инокультурном окружении, оказывается не востребованной и, следовательно, не возникает потребности в формировании нового регистра речи.

Сочетание данных факторов делает рассматриваемую нами ситуацию принципиально отличной от ситуации иммигрантов, оказавшихся в иных социокультурных условиях. Мы не можем говорить ни об утрате русского языка, ни о какой-либо особой борьбе за сохранение языка в данной среде. Основная специфика русской речи в среде русскоязычных иммигрантов в приграничье заключается, собственно говоря, в отсутствии какой-либо особой специфики. Говорить на русском языке считается естественным, и в последние годы это не вызывает какого-либо негативного отношения в обществе. Развитие русского языка в этой среде происходит вне отрыва от языкового развития метрополии. Это, в сочетании с особенностями социальной идентичности русскоязычных жителей норвежского приграничья, приводит к тому, что функционирование русского языка в приграничной Норвегии принципиально отличается от известных нам ситуаций функционирования родного языка в иммигрантской среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авина 2000 – Н.Ю. Авина. Об особенностях русской речи в Литве // ИАН СЛЯ. 2000. № 3.
- Бразаускаене 2000 – Е. Бразаускаене. Грамматические особенности русского языка в Литве // Русский язык сегодня. 2000. Вып. 1.
- Гайнер, Ашкинази 2002 – М. Гайнер, Л. Ашкинази. Язык русской иммиграции в Америке // Диаспоры. 2002. № 4.
- Гловинская 2001 – М.Я. Гловинская. О некоторых уязвимых синтаксических конструкциях в языке русской эмиграции // Традиционное и новое в русской грамматике: Сб. статей памяти В.А. Белошапковой. М., 2001.
- Головко 2001 – Е.В. Головко. Переключение кодов или новый код? // Труды факультета этнологии Европейского университета в С.-Петербурге. СПб., 2001.
- Голубева-Монаткина 1993 – Н.И. Голубева-Монаткина. Об особенностях русской речи потомков первой русской эмиграции во Франции // Русский язык за рубежом. 1993. № 2.
- Гусейнов 1995 – Г. Гусейнов. Наблюдения над особенностями речевого поведения в новых русских анклавах Германии. Хельсинки, 1995.
- Жданова 2004 – В.В. Жданова. Русский язык диаспоры: идентификационные стратегии иммигрантов-билингвов // Русский язык за рубежом. 2004. № 3.
- Земская 1998 – Е.А. Земская. О типических особенностях русского языка эмигрантов первой волны и их потомков // ИАН СЛЯ. 1998. № 4.
- Земская 2002 – Е.А. Земская. Сорняк или роза? (к вопросу о сохранности русского языка у эмигрантов четвертой волны) // ИАН СЛЯ. 2002. № 4.

- Земская 2004 – Е.А. Земская. Специфика речи русской диаспоры на рубеже XX–XXI века // А. Мустайоки, Е. Протасова (ред.). Русскоязычный человек в иноязычном окружении. *Slavica Helsingiensia*. 2004. 24.
- Лаллукка 2004 – С. Лаллукка (ред.). Доклады международного семинара «Русскоязычное население Финляндии», Хельсинки, 25–26 сентября 2003. Хельсинки, 2004.
- Найдич 2005 – Л. Найдич. Новая алия сохраняет русский // Отечественные записки. 2005. № 2.
- Осипова 2002 – М.А. Осипова. Разговорный русский язык иммигрантов в США. Лексика и словообразование // Т.М. Николаева (отв. ред.). Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. М., 2002.
- Полинская 2004 – М.С. Полинская. Русский язык в США // А. Мустайоки, Е. Протасова (ред.). Русскоязычный человек в иноязычном окружении. *Slavica Helsingiensia*. 2004. 24.
- Протасова 1998 – Е.Ю. Протасова. Особенности русского (первого) языка у живущих в Финляндии // Русистика сегодня. 1998. № 3–4.
- Протасова 2000 – Е.Ю. Протасова. Лексические особенности русскоязычной прессы в Германии // ИАН СЛЯ. 2000. № 4.
- Протасова 2004 – Е.Ю. Протасова. Феннороссы: жизнь и употребление языка. СПб., 2004.
- Пфандль 1994 – Г. Пфандль. Русскоязычный эмигрант третьей и четвертой волны: несколько размышлений // Русский язык за рубежом. 1994. № 4–5.
- Язык русского зарубежья 2001 – Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. Коллективная монография / Отв. ред. Е.А. Земская. М.; Вена, 2001.
- Latoma 1998 – S. Latoma. English in contact with «the most difficult language in the world»: the linguistic situation of Americans living in Finland // *International journal of the sociology of language*. 1998. 133.
- Leinonen 1992 – M. Leinonen. Language survival: Russian in Finland // *Slavica Tampere*. I. Tampere, 1992.
- Myers-Scotton 2006 – C. Myers-Scotton. Multiple voices: An introduction to bilingualism. Oxford, 2006.
- Naiditch 2002 – L. Naiditch. Code-switching and -mixing in Russian-Hebrew bilinguals // D.G. Gillbers, J. Nerbonne, J. Schaeken (eds.). *Languages in contact*. Amsterdam, 2002.
- Paasi 2007 – A. Paasi. Borders and regions in a transforming Northern Europe: a conceptual perspective // *The flexible frontier: Change and continuity in Finnish-Russian relations. Aleksanteri Series*. 2007. № 5.
- Viken et al. 2007 – A. Viken, T. Nyseth, B. Granås. Kirkenes: The 'bordered' reinvention of a mining town // T. Nyseth, B. Granås (eds.). *Reinvention of place. Nordregio-rapport*. 2007.